

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛБЗЧ —
190

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

И. ДЖАББАРОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ УЗБЕКСКОЙ ССР

В 1959 г. Институтом истории и археологии Академии наук Узбекистана был создан этнографический отряд¹ для изучения культуры и быта современного колхозного крестьянства Ташкентской области.

Современное сельское население Ташкентской области еще не было предметом этнографического изучения. Отряд ставил задачу проследить происшедшие за годы колхозного строительства изменения в хозяйственной жизни, материальной и духовной культуре, семье и семейном быту узбекского сельского населения области. Обследование производилось в районе древнего земледелия, где расположены старые узбекские кишлаки, пользовавшиеся водой из одной системы Чирчика. Стационарному обследованию были подвергнуты кишлаки Байты-курган (ныне он с некоторыми прилегающими селениями составляет колхоз «Правда» Калининского района), Запгната (колхоз им. Свердлова), Ниязбаши (колхоз им. Ленина), Яллама (колхоз им. XXI партсъезда) и Чиназ (колхоз им. Карла Маркса Янги-Юльского района. Маршрутное обследование проводилось и в других колхозах перечисленных районов.

Из всех обследованных колхозов наиболее интересными для изучения оказались колхозы, возникшие на месте бывших древнеземледельческих кишлаков Ниязбаши, Байты-курган и Яллама, населенных главным образом узбеками.

Узбекское население колхозов Янги-Юльского района относится к узбекам, называвшим себя в прошлом сартами, а большинство жителей колхоза им. XXI партсъезда и колхоза им. Карла Маркса Янги-Юльского района еще в недавнем прошлом относилось к узбекским племенам каттаган, дурмен, юз.

Местное земледелие основывается на искусственном орошении. Главными водными артериями, издавна питающими земли, принадлежащие упомянутым колхозам, являются выходящие из Чирчика магистральные каналы — Бозсу, Карасу, Джунарык и Куркулдак. От этих магистральных каналов отходят более мелкие арыки, питающие поля. В отличие от других районов Узбекистана, исследуемая территория издавна изобиловала водой, поэтому в прошлом здесь не было такой строгой очередности в водопользовании, как, например, в Ферганской долине, Зеравшане и Хорезме.

¹ В состав отряда вошли сотрудники института М. А. Бикжанова, Ш. И. Иногамов, И. Джаббаров, М. Имамкарнева, К. Фазылова, А. Жилина, аспирант С. Мирхасилов и практикантка студентка МГУ Х. Бурнашева.

В предреволюционный период ведущей отраслью в земледелии кишлаков было зерновое хозяйство, в котором немалое место занимала культура риса. В настоящее время эти колхозы являются крупными многоотраслевыми социалистическими хозяйствами², где господствующими культурами стали хлопчатник и зерно.

Помимо хлопководства, в колхозах развито садоводство, виноградарство, огородничество, бахчеводство, шелководство и животноводство. В некоторых колхозах значительный доход приносит и птицеводство. Разведение свиней и водоплавающей птицы является новым явлением в хозяйственной жизни узбекского сельского населения. Но основной доход эти колхозы получают от хлопководства. За последние годы эти высокоурожайные хозяйства сдавали государству от 27 до 42 ц хлопка с 1 га. Многоотраслевые высокоразвитые сельхозартели исследуемых районов получают ежегодно миллионы рублей дохода. Значительный доход получают колхозники также от разводимых на своих приусадебных участках виноградарей, ягодников и пр. Важные преобразования в производственном и домашнем быту колхозников вызывает переход большинства колхозов на денежную оплату труда. Изменяет производственный быт организация во всех колхозах механизированных полеводческих бригад и вводимая комплексная механизация процессов труда.

Происшедшие за годы Советской власти социально-экономические сдвиги в сельском хозяйстве и укрепление экономики колхозов после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. положительно сказались на материальных условиях жизни населения изучаемых районов. Совершенно несравним облик современного колхозного поселка с прошлым узбекским кишлаком. Да и слово «кишлак» почти исчезло из лексикона местного населения. Редко можно встретить колхозника Ташкентской области, который называл бы себя жителем такого-то кишлака, а он непременно скажет, что он из такого-то колхоза: «Мен колхоз Лениндан», «Мен колхоз Правддан» или «Мен колхоз XXI партсъездан» и т. д.

В большинстве обследованных колхозов идет большое жилищное строительство как на средства колхоза, так и на личные средства самих колхозников, особенно развернувшееся за последние пять-шесть лет. Всеми строительными работами ведает правление колхоза; колхозные строительные бригады возглавляют специалисты со средним или высшим техническим образованием. Бригады эти строят общественные и хозяйственные здания, а также жилые дома, руководствуясь имеющимся в колхозах генеральным планом строительства. Индивидуальных застройщиков колхоз обеспечивает строительными материалами. Особенно активная перестройка селений ведется в колхозе «Правда» Калининского района и колхозе им. Ленина Янги-Юльского района. Здесь больше половины зданий построены по новой планировке. Все дома фасадом выходят на прямые обсаженные деревьями улицы. Особенно красивы здания домов отдыха (колхозы им. Ленина и «Ленинизм» Янги-Юльского района и колхоз «Правда»), клуба, больницы, аптеки, чайханы, дома для престарелых (колхоз «Правда»), детских учреждений, больших и светлых школьных зданий-новостроек, имеющих в каждом колхозе. Однако несмотря на высокие доходы еще не все колхозы серьезно занимаются благоустройством и перестройкой своих поселков. В некоторых из них еще сохраняется дореволюционная планировка и элементы традиционного быта.

Совершенно изменились тип домов, их планировка. Если в селениях в прошлом основными были каркасные с плоскими крышами дома, то в настоящее время стены кладутся главным образом из сырца на фундамен-

² В колхозе им. Ленина насчитывается до 10 тыс. человек.

Рис. 1. Дом колхозника. Вид со двора (колхоз «Правда» Калининского района)

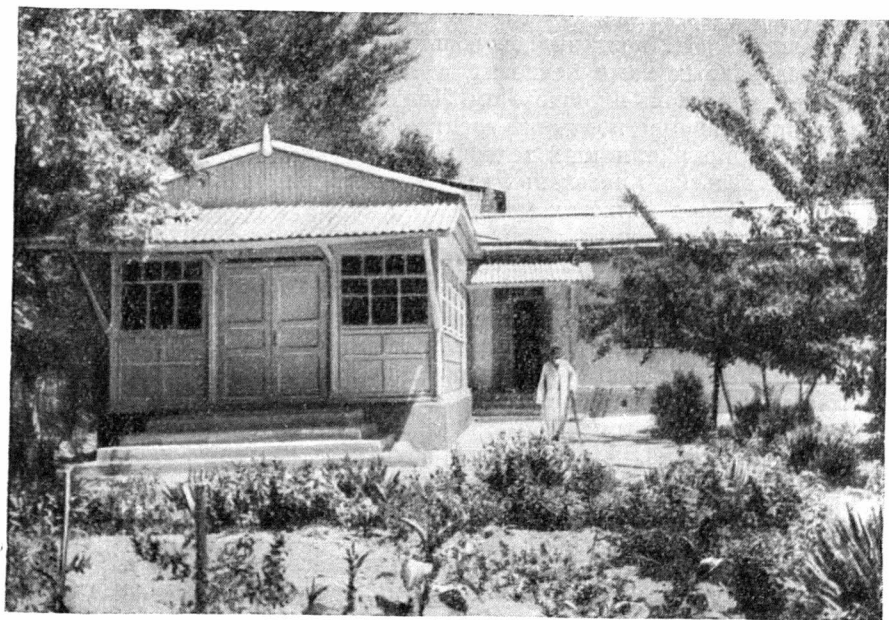

Рис. 2. Дом для престарелых колхозников (колхоз «Правда»)

те, сложенном из обожженного кирпича или бетона, а крыши двускатные — из черепицы или железа. Очень распространены дома из двух или трех комнат с открытым или реже закрытым застекленным айваном, проходящим по всей длине дома. В домах, где живут большие семьи, дом делят на ряд комнат, имеющих отдельные выходы на айван, иногда с небольшими прихожими — дахлиз. В Калининском и Янги-Юльском районах на специально возвышении делают крытые беседки — *шипанг*, где летом спит и проводит свободное время семья. С этой же целью делают беседки из виноградных лоз, в них устраивают *суфу* — земляное утрамбованное возвышение — или ставят большую деревянную, часто квадратную тахту. В комплекс усадьбы, помимо хозяйственных построек — хлева, кладовой, сарая, кухни — входит небольшой фруктовый сад, чаще всего виноградики, обычно огороженный пахсовой стеной.

Новые дома отличаются от старых и своей внутренней отделкой: стены и потолки штукатурят и белят, украшая поверх побелки трафаретом; иногда делают фанерный орнаментированный потолок. В новых домах теперь всегда есть печка, но наряду с печью продолжает бытовать и традиционный сандал. Во внутренней архитектуре почти всех новых домов по традиции сохраняются и ниши, которые в отдельных случаях превращены в застекленные стальные шкафы. В них размещают посуду и постельные принадлежности.

В убранстве жилых помещений также произошли изменения. В домах появилась мебель — кровати, шифоньеры, столы и стулья, хотя по-прежнему сохраняются предметы традиционного убранства: орнаментированные сундуки, настенные декоративные вышивки, кошмы, паласы, узкие длинные стеганые одеяла, на которых сидят, и пр. Такие вещи, как приемники, телевизоры, швейные машины, стальные часы, висячие зеркала, а также занавески на окнах и часто дверях, в селах колхозников получили широкое распространение.

В домашний быт колхозников вошло электричество, которое есть во всех обследованных нами колхозах, а также начинает внедряться газ, пока имеющийся лишь в колхозе им. Ленина Янги-Юльского района. Широкое распространение получили электроприборы (утюги, плитки, холодильники), радиоприемники и телевизоры.

В одежде сельского населения также произошли значительные изменения. Почти во всех колхозах молодежь и среднее поколение, особенно мужчины, носят одежду и обувь современного городского покроя, фабричного изготовления, национальным дополнением к которому является тюбетейка. Праздничная одежда шьется часто из дорогих шерстяных и шелковых тканей. Старшее поколение предпочитает традиционную узбекскую одежду, известную в Ташкентском оазисе, Ферганской долине и других районах Узбекистана. В праздники и на похоронах молодежь нередко опоясывает современный костюм платком (*белбог*) и надевает поверх него национальный халат (*чапан*).

У женщин больше, чем у мужчин, сохраняется одежда национального покроя. Однако молодые девушки колхозов Янги-Юльского района, помимо национальных, свободного покроя платьев, нередко носят платья современного городского типа. Широко употребляются в качестве головного убора пестрые косыночки, особенно крепдешиновые.

Появилась специальная рабочая одежда, состоящая из юбок, надеваемых поверх будничного платья или специальных платьев из плотной темной ткани (колхоз им. Ленина Янги-Юльского района), сапог, косынок и нарукавников. Детская одежда шьется по образцу одежды взрослых. Школьная форма почти не принята.

В питании узбекского сельского населения преобладают узбекские национальные блюда, однако в отличие от других районов Узбекистана

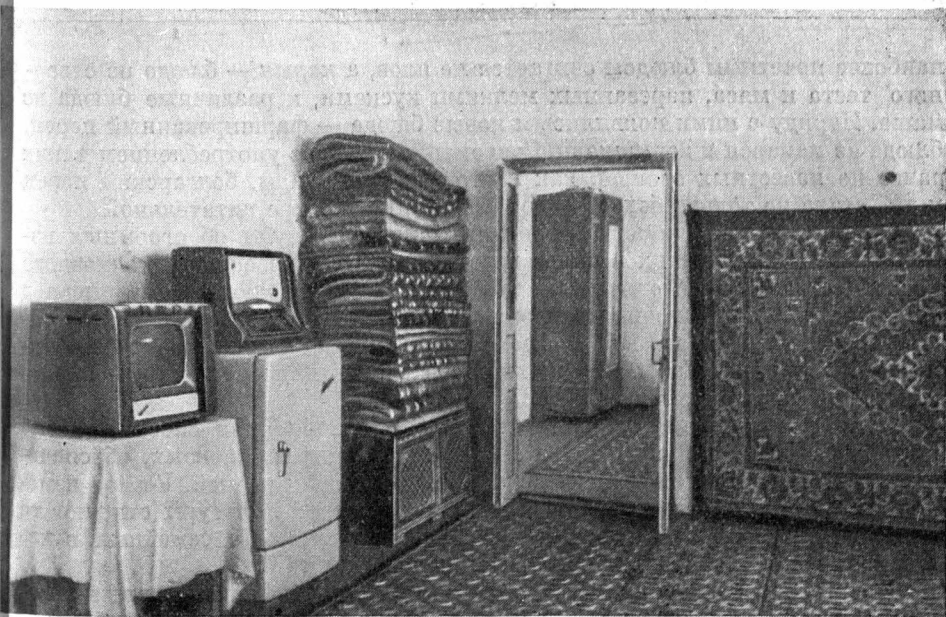

Рис. 3. Интерьер жилища колхозницы колхоза им. XXI партсъезда
Янги-Юльского района Хайри Юсуфалиевой

Рис. 4. Пожилые колхозники колхоза им. XXI партсъезда в будничной одежде

Рис. 5. Колхозницы колхоза «Правда» в рабочей одежде

ректора двух школ, главврач колхозной больницы и многие учителя — женщины.

В каждом колхозе есть свои радиоузлы и телефонная станция, почтовое отделение, библиотека и клуб, где регулярно демонстрируются фильмы, устраиваются концерты. В колхозе им. Ленина издается многотиражная газета. Все это прочно вошло в жизнь узбекского колхозного крестьянства.

Однако, отмечая огромный рост общей культуры сельского населения, следует обратить внимание на то, что культурной работе в изучаемых нашей экспедицией колхозах все еще уделяется недостаточно внимания. Не всегда налажена клубная работа, хотя все колхозы имеют прекрасные здания клубов. Поэтому не удивительно, что еще не изжиты некоторые пережиточные формы общественно-культурной жизни, такие, например, как мужские вечеринки — *ган*. Среди наиболее отсталой части населения продолжают бытовать всякого рода религиозные пережитки, сохраняются анимистические представления, некоторые обряды, связанные с шаманством. Некоторые представители старшего поколения ходят на поклонение к «святым местам». Последнее особенно заметно в Янги-Юльском районе. Так, например, во время нашего пребывания в колхозе им. Ленина мы имели возможность наблюдать, что колхозники отмечали религиозный праздник *журбан-заит*.

В обследованных районах, особенно в бывшем Чиназском, среди пожилых колхозников продолжают бытовать некоторые элементы доисламских верований, в частности культ «святых» деревьев и кустарников, следы шаманства и знахарства.

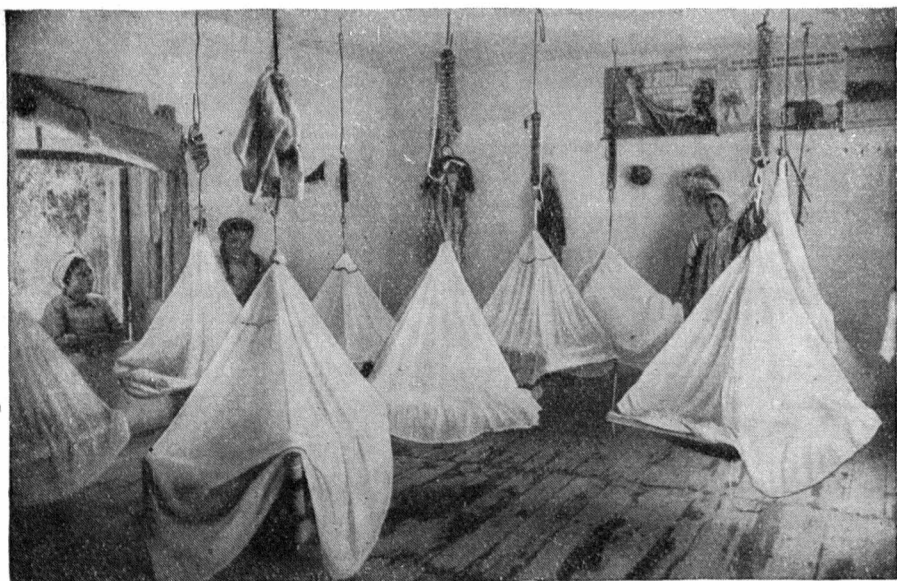

Рис. 6. Ясли на полевом стане колхоза им. Ленина

Рис. 7. Больница колхоза им. Ленина

Рис. 8. Средняя школа колхоза им. Ленина

Рис. 9. Детский сад колхоза «Правда»

В 1960 г. работа экспедиции была продолжена отрядом⁴, проводившим маршрутное обследование кишлаков Паркент, Хисарек и Чанги Верхне-Чирского района Ташкентской области.

По данным обследования, Паркент и Хисарек представляют собою старые поселения с древним оседлым населением, в основном узбекским, не имевшим родоплеменных делений и называвшим себя раньше сартами. Исконным их занятием было богарное земледелие. Характерно, что здесь при наличии классовой дифференциации до Октябрьской революции сохранилось общинное земледелие, с регулярными переделами земли.

Материалы, полученные экспедицией в 1959 и 1960 гг., говорят о больших преобразованиях в жизни узбекского народа. Социалистическая основа общества, крепнущее общественное хозяйство, широкие экономические связи явились базой для коренной перестройки всей культуры и быта сельского населения Ташкентской области. Сохраняя национальные черты, оно приобретает к современной культуре.

⁴ В составе отряда работали М. А. Бикжанова и Ш. И. Иногамов.

201(1)

ДТ

И 41

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXXII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1959

И С А Д Ж А Б Б А Р О В

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕМЕСЛА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМ УЗБЕКИСТАНЕ

До второй половины XIX в. узбекское ремесло не было предметом специального изучения. Орывочные сведения путешественников, послов и торговцев давали лишь самое общее представление о ремесленном производстве в узбекских ханствах. Включение Средней Азии в состав русского государства создало благоприятные возможности для исследователей, интересовавшихся историей и этнографией узбекского, казахского, таджикского и других среднеазиатских народов. Появился ряд книг и статей, посвященных различным вопросам истории и культурной жизни народов Средней Азии. Во всестороннем изучении производительных сил края, в частности ремесла, было заинтересовано также русское правительство, стремившееся укрепить в Средней Азии свое политическое и экономическое господство.

Огромная роль в изучении ремесла, как и в исследовании других вопросов этнографии народов Средней Азии, принадлежит русским ученым, которые старались, по словам В. В. Стасова, «передать во всеобщее известие, как России, так и Европы, сведения, которые таятся в неведомых до сих пор среднеазиатских странах»¹.

К сожалению, изучение ремесла в Туркестане систематически не проводилось, и многие работы, касающиеся этой проблемы, не полностью отвечали научным требованиям. Исследователи того периода не могли правильно отразить историю развития производительных сил и дать глубокий анализ положения самих ремесленников. Они занимались только сбором фактического материала, его систематизацией и описанием.

В изучении ремесла, как и всей этнографии народов дореволюционного Узбекистана, сказались наличие двух течений в научно-исследовательской деятельности русских ученых: течения, исходящего из интересов и стремлений представителей демократической культуры, и течения буржуазной, тогда еще господствовавшей, культуры. Представителями первого течения были многие деятели Русского географического общества (РГО) и Туркестанского отдела Русского технического общества (РТО), великий русский критик В. В. Стасов, крупнейший востоковед В. В. Бартольд и др. Второе течение представляли деятели буржуазной культуры—К. К. Абаза, Л. Ф. Костенко, С. А. Давыдова,—ставившие превыше всего интересы русского капитала и русской военно-бюрократической верхушки. В работах этих авторов, проникнутых национально-шовинистическим духом, ярко проявилось пренебрежение к местной среднеазиат-

¹ В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. II. СПб., 1894, стр. 696.

ской культуре, к культуре трудового народа, к его быту и творческой деятельности².

Представители передовой русской науки резко осуждали колонизаторские тенденции в деле изучения ремесленного производства. «Задавшись узко-утилитарными целями — извлекать из местных промыслов выгоды для промышленности Европейской России, — писал о выступлении в печати командированной в 1890 г. в Туркестан для изучения ремесла С. А. Давыдовой действительный член РГО К. М. Оберучев, — автор ставит крест над вековой работой мысли туземцев в деле развития промыслов»³.

Оберучев считал, что, несмотря на малые выгоды от технического развития местных кустарных промыслов, научное исследование их важно потому, что они составляют почти единственный вид обрабатывающей промышленности в крае, дают пропитание большому числу рабочих. С другой стороны, кустарные произведения являются предметами потребления массы народа, удовлетворяют его нужды и вкус. Ремесло показывает степень технического, а отчасти и общего развития народа, знакомит с бытовыми чертами его жизни.

«Необходимо, — писал К. М. Оберучев, — решение практического вопроса, куда нужно направить знания и средства для поддержки временно пошатнувшихся, но существенно важных и незаменимых по существу или по местным условиям промыслов»⁴.

Но и к работам дореволюционных прогрессивных исследователей требуется критический подход. В них встречаются присущие буржуазным исследователям ошибочные положения. Так, дореволюционные исследователи часто считали, что замечательные произведения среднеазиатского искусства обязаны своим происхождением правящим классам — завоевателям-полководцам, ханам, эмирам. Тем самым они игнорировали роль самих производителей, роль трудового народа в художественном творчестве.

Многие буржуазные авторы (за исключением представителей демократического течения) из пренебрежения к малым народам замалчивали достижения узбекского народа, как и всех других народов Средней Азии, в создании прекрасных произведений художественного ремесла, приписывали их появлению влиянию Ирана, Аравии и других стран. В защиту богатого культурного наследия, многовековой художественной традиции среднеазиатских народов выступил В. В. Стасов.

Вне поля зрения дореволюционных исследователей оставались формы эксплуатации ремесленников. Серьезным упущением было также совершенно недостаточное изучение их быта и культуры. Если быт и изучался, то лишь зажиточных ремесленников и мастеров, а бытовые условия учеников и наемных рабочих оставались без внимания.

Начало исследования ремесла Средней Азии, особенно Узбекистана, было положено открывшейся в Москве в 1872 г. Политехнической выставкой. Для выставки были собраны коллекции типов костюмов и произведений ремесла тогдашнего Туркестанского края. Там же были представлены различные мастерские и орудия производства, частью в оригиналах, частью в моделях. Эти коллекции составили главную основу Среднеазиатского отдела выставки.

² См., например, статью С. А. Давыдовой «Кустарная промышленность в Средней Азии» (газ. «Туркестанские ведомости», 1894, № 41), а также ее отчет в сб. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», т. II, 1894, стр. 56 и 59.

³ К. М. Оберучев. Изучение кустарных промыслов Туркестанского края. «Туркестанские ведомости», 1894, № 72.

⁴ Там же.

С восхищением отозвался об этом отделе побывавший там В. В. Стасов. Он писал, что на Политехнической выставке 1872 г. в Москве отделы кавказский и туркестанский «были составлены необыкновенно полно и тщательно (особенно второй)», что там было «множество предметов, доставлявших высшее художественное наслаждение. Ковры, серебряные изделия, очень значительные коллекции металлических и гончарных сосудов, материи, оружие, наконец, пропасть бытовых предметов блистали роскошью форм, красок и узоров, какими почти всегда красуется Восток и каких в большинстве случаев не доставало остальной выставке»⁵.

Описание этих коллекций вошло в «Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки 1872 г.» В разделе каталога «Техническое отделение» перечислены экспонаты, демонстрировавшиеся на выставке, с описанием и объяснением техники их производства. В большинстве случаев указаны также местные названия изделий и инструментария.

К той же выставке были составлены альбомы видов Туркестана, среди которых наиболее интересен для нас «Промысловый альбом». Он представляет собой чрезвычайно ценную и единственную в своем роде коллекцию иллюстрированного материала по ремеслам всей Средней Азии. На прекрасно исполненных фотоснимках альбома показаны орудия, техника и изделия многих отраслей ремесленного производства⁶.

Ценным дополнением к «Промысловому альбому» является изданная в 1875 г. секретарем Туркестанского отдела Московского общества любителей естествознания, этнографии и антропологии М. И. Бродовским брошюра «Технические производства в Туркестанском крае»⁷. Первая глава работы касается хлопкового производства. Автор кратко описывает технику и способ производства хлопчатобумажных изделий, их ассортимент, орудия прядения и ткачества.

В следующей главе, посвященной шелководству, подробно описывается способ производства шелковых нитей и тканей и даются названия орудий производства, а также ассортимент изделий. В главе о кожевенном и сапожном производствах автор говорит об обработке кожи и подробно — о шорных изделиях, не упоминая, однако, о технике и процессе производства. Изделиям сапожников уделено только несколько слов.

Одна из важных глав, посвященная производству металлических изделий, содержит совершенно недостаточно материала. Дается характеристика лишь отдельных производств, например, описывается работа ножжевщика; большое внимание уделяется также производству подков. Очень краткие сведения приводятся по производству медночеканных изделий, по гончарному производству, а также по изготовлению изделий из камыша; об этом последнем не упоминал никто из предшественников Бродовского.

Заключительная часть работы посвящена краткой характеристике производства изделий из шерсти.

К выставке 1872 г. был издан сборник «Русский Туркестан»⁸, в котором помещен ряд статей, касающихся ремесел края: ранее опубликован-

⁵ В. В. Стасов. Художественные заметки о политехнической выставке в Москве. Собр. соч., т. I, отд. II, стр. 383.

⁶ Экземпляр альбома хранится в отделе редких книг Государственной публичной библиотеки имени Навои в Ташкенте.

⁷ М. И. Бродовский. Технические производства в Туркестанском крае. СПб., 1875.

⁸ «Русский Туркестан». Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки, вып. II. М., 1872.

ные статьи А. Кушакевича, посвященные гончарным изделиям⁹, и И. Краузе — по виноделию, маслобойному и красильному производствам¹⁰, статья неизвестного автора о туземном оружии, статья Парамонова о кожевенном производстве, о чугунолитейном производстве и, наконец, о писчебумажной мастерской в Коканде.

К сожалению, перечисленные статьи не дают полного представления о состоянии ремесел края. В сборнике нет описания кузнечного ремесла, ткачества, деревообделочного производства и др.

Все статьи предельно кратко описывают техническую сторону производства, оставляя в стороне социально-экономические отношения и быт ремесленников.

К 1873 году относится выход в свет книги о шелководстве и шелкомотании в Средней Азии бывшего консула России в Кашгаре Н. Ф. Петровского, «старожила и знатока Средней Азии», как о нем отзывались его современники. Труд Петровского был переиздан Кавказской шелководственной станцией в 1900 г., которая характеризовала его как одно «из наиболее обстоятельных и богатых данными исследований среднеазиатского шелководства»¹¹.

Однако автор, представляя отчет министерству финансов, рассматривал вопрос шелководства лишь исходя из интересов и задач русской промышленности, потому, естественно, местная техника производства шелковых тканей и положение ремесленников не были подвергнуты им серьезному исследованию. Кроме того, хотя работа по своему названию и должна была охватить всю Среднюю Азию, но о шелководстве в Бухарском и Хивинском ханствах в ней не говорится ни слова.

Самым значительным явлением в исследовании изделий ремесла узбекского народа в начале 80-х годов прошлого столетия было появление в свет альбома художника Н. Е. Симакова «Искусство Средней Азии»¹². В нем опубликованы орнаменты и узоры гончарных, ткацких, ювелирных и других ремесленных изделий, а также памятников архитектуры¹³.

Симаков участвовал в 1879 г. в Самарской экспедиции в качестве художника и археолога и вернулся оттуда «с богатым и в высшей степени важным для истории искусства альбомом»¹⁴.

Альбом Симакова состоял из 50 прекрасно исполненных таблиц большого формата в красках. Эту работу по достоинству оценили передовые представители русской демократической культуры, в частности В. В. Стасов, который отмечал, что данная работа делает шаг в разрешении вопроса «о влиянии древнего среднеазиатского искусства на искусство персидское, арабское, византийское и т. д.»¹⁵.

⁹ А. Кушакевич. Гончарный промысел в Ходжентском уезде. «Туркестанские ведомости», 1871, № 4; см. также сб.: «Русский Туркестан», т. II, стр. 194—197.

¹⁰ И. Краузе. О красильном искусстве туземных жителей Туркестанского края. «Туркестанские ведомости», 1872, № 11; см. также сб. «Русский Туркестан», II, стр. 206—213.

¹¹ Н. Ф. Петровский. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии. Изд. Кавказск. шелковод. станции, 1900, вып. 5—11, стр. 1.

¹² Н. Е. Симаков. Искусство Средней Азии. Сборник орнаментов и узоров, снятых с натуры на памятниках архитектурных и предметов гончарных, ткацких, ювелирных и пр. в 1879 г. СПб., 1883.

¹³ В альбоме содержатся изображения следующих предметов: тканей и ковров бухарских и туркменских; ювелирных изделий из Самарканда и Ташкента; металлических изделий; деревянных изделий; резных изделий Самарканда и Бухары; изделий из мрамора, образцов мозаики, тисненого гипса и изразцов из Ходжента, Самарканда, Хивинского оазиса и Кульджи. В конце альбома приложены листы с планами, разрезами и рисунками наружного вида архитектурных памятников Средней Азии.

¹⁴ В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. II, стр. 694.

¹⁵ Там же, стр. 695.

Рецензия Стасова на книгу Симакова выходит за пределы критического отзыва о данной работе, затрагивает не только общетеоретические, но даже программные вопросы по изучению среднеазиатского искусства. Беспощадно борясь со всяким проявлением низкопоклонства перед иноземной культурой, Стасов высоко подымал приоритет передовой русской науки.

Ученый призывал широко развернуть исследования памятников и произведений среднеазиатского искусства, которые, как говорил он, так многочисленны и так разнообразны, что изучить их совершенно невозможно одному человеку. Для этого необходимы путешествия, труды и усилия очень многих добровольцев науки и искусства.

В. В. Стасов указывал на вопросы, которые ждут своего разрешения. Он писал: «Среднеазиатское искусство... это конгломерат творчества разнообразнейших народностей: тюркского, иранского, индостанского, арабского, монгольского и некоторых других еще. Это бросается каждому в глаза. Что было тут коренное и что наносное; какой пласт налегает на другой, и в какой именно последовательности времени и силы; как пришлые элементы вытеснили иногда почти вполне элементы местные и коренные; как впоследствии эти элементы получили снова свою силу и преобладание; какое влияние оказывало в разное время среднеазиатское искусство на искусство многих азиатских и европейских народов (что есть факт несомненный) — вот что предстоит рассмотреть и доказать будущему исследователю»¹⁶.

Дальше Стасов показывал, каким образом можно разрешить эти проблемы, и отмечал, что бытовые предметы должны быть одним из первых объектов изучения, так как к иноземному влиянию они всегда наименее чувствительны.

В 1890 г. в Ташкенте открылась Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности, на которой были представлены также образцы изделий кустарных промыслов. Выставка состояла из 16 отделов. Она знаменательна тем, что на ней были впервые продемонстрированы изделия хивинских и бухарских ремесленников¹⁷.

Если Московская политехническая выставка была подвергнута некоторому изучению, то ташкентская осталась только занесенной в каталог. Написанная по материалам ташкентской выставки статья С. А. Давыдовой не отражает представленный там отдел кустарных промыслов, хотя автор ставил перед собой широкие задачи, что видно из названия статьи¹⁸.

Обзору кустарных промыслов в статье вообще уделено скромное место и из него нельзя составить представления ни о значении разных промыслов, ни о степени развития их, ни о их географическом распространении, не говоря уже о технике производства и социально-экономических отношениях. Посвящая работу кустарным промыслам, автор занимается в основном описанием шелководства, стремясь поставить его на службу интересам российской капиталистической промышленности.

В начале XX в. появился альбом Н. Ф. Бурдукова «Гончарные изделия Средней Азии» (СПб., 1906), который состоит из 22 акварелей с изображениями гончарных сосудов трех кишлаков Ферганской, Самаркандской областей и Бухары. Подбор изделий для рисунков не вполне

¹⁶ В. В. Стасов. Собрание сочинений, т. II, стр. 699.

¹⁷ См. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», т. II. СПб., 1894, стр. 37.

¹⁸ С. А. Давыдова. Кустарная промышленность в Средней Азии. Отчет 1890 года. «Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России», т. II, стр. 37—68.

удачен: показаны далеко не лучшие и не самые типичные образцы. В альбоме не представлены такие крупные центры гончарного производства, как Ташкент, Андижан, Самарканд, Ходжент, Хорезм, хотя автор в предисловии и останавливается на отличительных чертах расписной керамики в них.

«Нельзя не заметить, — писал рецензент об альбоме Бурдукова, — что с точки зрения искусства декоративного далеко не все представленные в настоящем издании гончарные изделия заслуживают внимания по своей оригинальности и типичности. Особенно это относится до блюд, которыми заняты 6—22 таблицы, т. е. большая часть всего издания»¹⁹.

В 1912 г. вышла в свет работа М. Ф. Гаврилова «Рисоля сартовских ремесленников»²⁰, а в 1911 г. — «Собрание рисоля», изданное на узбекском языке в Ташкенте²¹.

Первая работа посвящена цеховым уставам отдельных ремесел, причем в ней говорится не только об уставах ремесленников, но и о рисоля земледельцев, содержателей чайных, мясников. В предисловии автор старается установить общие черты этих религиозных руководств для туземных ремесленников, сообщает литературу по данному вопросу и перечисляет рукописи рисоля, имеющиеся в европейских книгохранилищах. Он считает, что рисоля среднеазиатских кустарей имеют персидское происхождение и отстаивает этот тезис и в работе, вышедшей уже в советское время²².

Автор делает попытку выяснить значение рисоля в производственной жизни и быту узбекских ремесленников, но, по-видимому, практически как этнограф, он сам ими не занимался, а пользовался литературными данными. Уставы он сам тоже не собирал — переводы сделаны им с опубликованных рисоля.

Одним из источников для Гаврилова послужила упомянутая выше работа, изданная в ташкентской типографии. В это издание включены только тексты рисоля различных промыслов Туркестана на узбекском и русском языках, без каких-либо комментариев.

Заканчивая обзор монографий и переходя к периодике, следует упомянуть также работы на иностранных языках, посвященные узбекскому ремеслу.

В 1897 г. Ф. Р. Мартин издал в Стокгольме две книги по художественным произведениям узбекских ремесленников. Некоторый интерес для нас представляет первая из них «Современная керамика Центральной Азии» (т. е. Средней Азии)²³. Дав такое обширное заглавие своей работе, автор, как он сам признается, не исчерпал эту тему²⁴. Он отмечает также, что восточная керамика переживает период упадка. Родиной восточной керамики, в том числе и среднеазиатской, Мартин считает Персию.

В Самарканде, Ташкенте и Коканде Мартину удалось приобрести около двухсот образцов различной керамической посуды, которые представляют, по его мнению, основные типы среднеазиатской керамики²⁵.

¹⁹ «Этнографическое обозрение», 1907, № 1—2, стр. 225.

²⁰ М. Ф. Гаврилов. Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов. Ташкент, 1912.

²¹ *مجموعه رساله* Собрание рисоля. Литогр. издание на узбекском языке. Ташкент, 1329 г. х. (1911).

²² М. Ф. Гаврилов. О ремесленных цехах Средней Азии. Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев, вып. II. Ташкент, 1928, стр. 229.

²³ F. R. Martin. Modern Keramik von Centralasien. Stockholm, 1897.

²⁴ Там же, стр. 6.

²⁵ Там же, стр. 4.

Кроме перечисления видов изделий и описания печи для обжига, никаких материалов о гончарном производстве автор не дает. Наиболее ценным в труде Мартина являются приложенные к книге 15 хорошо исполненных таблиц, изображающих оригинальные гончарные изделия отдельных районов Узбекистана.

Меньше материала в другом труде Мартина, посвященном резьбе по дереву²⁶. Автор указывает на малую исследованность и быстрое разрушение среднеазиатских памятников искусства; лучше всего сохранившимися остатками старинной архитектуры он считает двери некоторых мечетей и других построек. Во время путешествия по Туркестану в 1894 г. Мартин приобрел в Коканде одну такую дверь; на основании сравнительного материала он пытается датировать ее XV веком. Как образец искусства резьбы по дереву середины и конца XVIII в., автор описывает другую дверь, тоже из Коканда. К тексту приложены пять таблиц.

* * *

Большое внимание освещению вопросов узбекского ремесла уделяла периодическая печать, в которой нередко публиковались статьи, касающиеся ремесленного производства. Статьи на эту тему часто появлялись в изданиях РГО, в сборниках и справочниках статистических комитетов и особенно в газете «Туркестанские ведомости». К сожалению, помещаемые в изданиях статистических комитетов сведения не всегда могут служить вполне точным материалом, так как они сообщались официальным порядком, через туземную администрацию, которая часто придерживалась приблизительных данных, а иногда давала уменьшенные цифры для соблюдения своих выгод при сборе налогов. Об этом писали даже современники. Они отмечали, что данные статистических комитетов настолько не точны и противоречивы, что это «лишает возможности пользоваться ими для каких бы то ни было выводов о значении промыслов для населения, как потребителя, и для самих работников, как производителей ценностей»²⁷.

Инициатором и активным участником работ по всестороннему изучению Средней Азии во второй половине XIX в. всегда выступало Русское географическое общество, которое не только командировало отдельных своих членов в Туркестанский край и ханства для исследований, но и широко освещало на страницах своих изданий все вопросы, касающиеся Средней Азии.

В 1871 г. в записках РГО появилась первая большая статья — «Сведения о Ходжентском уезде» — по одному из уездов Туркестанского края, где вскользь затрагивались и туземные ремесла²⁸. А. Н. Кушакевич (автор статьи) перечисляет следующие ремесла, существовавшие в Ходжентском уезде: ткачество, кожевенное и шорное производство, производство шерстяных изделий, гончарное, кирпичное, изразцовое (кашин), столлярное и ювелирное, ножевое, инструментальное, а также чугунолитейное производство.

Охватывая почти все виды ремесла, Кушакевич описывает главным образом готовые изделия, причем указывает местные названия и сырье для их изготовления.

²⁶ F. R. Martin. Thüren aus Turkestan Stockholm, 1897.

²⁷ «Туркестанские ведомости», 1874, № 72.

²⁸ А. Н. Кушакевич. Сведения о Ходжентском уезде. «Записки РГО по общей географии», 1871.

В том же году Кушакевич выступил со статьей по гончарному производству Ходжентского уезда²⁹, а в следующем году — со статьей «Заметки о туземных красильных веществах»³⁰. Во всех этих работах дается беглое описание упомянутых промыслов.

Наиболее значительным и интересным программным документом, относящимся к этому времени, являются «Вопросы, предлагаемые Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях»³¹. Этот документ был выработан особой комиссией, куда входили известные исследователи того времени: Гельмерсен, Штубендорф, Майков, Ленц, Рыкачев, Венюков, Васильев, Григорьев и Лерх, и утвержден общим собранием членов Общества в начале 1873 г., т. е. ко времени выступления русских войск против Хивы. Опубликованы они были в «Известиях РГО» тогда, когда русские войска уже приближались к территории Хивинского ханства. Кроме того, отдел статистики РГО выработал свою дополнительную программу, которая вслед за первой была сообщена отрядам³².

В этой обширной для своего времени исследовательской программе имелся специальный раздел под заглавием «Наблюдения над экономическим и культурным состоянием населения Хивинского ханства», где затрагивались все стороны жизни населения, в том числе и вопросы ремесленного производства. В параграфе «Ремесла» были поставлены следующие вопросы: исчисление главных ремесел оазиса и характеристика их; занимаются ли ремесленники исключительно своим ремеслом, как специальным промыслом, или ремесла входят в круг их домашних занятий и служат им только подспорьем при других средствах существования; какие ремесла представляются наиболее выгодными и наиболее самостоятельными; работают ли ремесленники по-одиночке или образуют ремесленные заведения или даже небольшие фабрики; каковы способы и орудия ремесленных производств (особенное внимание предлагалось обращать на ремесла, имеющие художественное значение)³³. Кроме того, в разделах программы о жилище, домашней утвари, одежде и обуви имелись подробные вопросы о связанных с ними ремеслах. В конце программы отмечалось: «Весьма желательно, чтоб ответы на программу сопровождались возможно большим количеством рисунков, фотографических снимков и планов, а также образцов негромоздких предметов»³⁴.

Особенно интересными являлись такие вопросы, выдвигаемые программой, как «примерные расчеты жизненных средств нескольких семейных хозяйств: богатого, среднего, бедного. Предмет и источники доходов»³⁵. Эти вопросы свидетельствуют о высоком научном уровне программы, на которой не отразились ошибочные положения господствовавшей тогда народнической теории, не признававшей развития капитализма в России и классового расслоения. К сожалению, в архивах пока не обнаружено материалов, собранных по этой программе.

²⁹ «Туркестанские ведомости», 1871, № 4. Эта же статья была напечатана впоследствии в упомянутом выше сборнике «Русский Туркестан».

³⁰ «Туркестанские ведомости», 1872, № 32.

³¹ «Известия РГО», т. IX, № 3, 1872.

³² «Известия РГО», т. XIII, № 3, 1872. Эта программа была опубликована в «Известиях РГО» за 1874 г., т. X, № 5 под заглавием: «Программы для исследований Аму-Дарьинской экспедиции».

³³ «Известия РГО», т. IX, № 3, 1872, стр. 72.

³⁴ Там же, стр. 73.

³⁵ Там же, стр. 72.

В 70—80-х годах наступил период застоя в исследовании ремесла узбеков. Только с конца 90-х годов XIX столетия началось некоторое оживление в данном направлении. Этому способствовало открытие в Ташкенте Туркестанского отдела Русского технического общества (РТО). На одном из первых общих собраний отдела, в сентябре 1894 г., обсуждался доклад об изучении кустарных промыслов Туркестанского края, в котором докладчик призывал к самому широкому исследованию ремесленного производства³⁶. Но стремления деятелей демократического течения не могли претвориться полностью в жизнь. Они были лишены материальной базы. Один из исследователей края, действительный член Туркестанского отдела РТО Н. И. Габбин писал в 1899 г.: «Позволяю себе напомнить, что вопрос об изучении промыслов Туркестанского края и в частности Ташкента был поднят туркестанским отделением РТО еще в 1894 г.

Отсутствие средств на изучение их и отказ в таковых со стороны кустарного комитета МЗиГИ (Министерства земледелия и государственных имуществ.— *И. Джс.*) лишили возможности членов отдела заняться этим вопросом (разрядка моя.— *И. Джс.*)³⁷.

Изучением ремесла занимались обычно от случая к случаю, пользуясь своим служебным положением или при других подвернувшихся возможностях. Так, например, Н. А. Кирпичников, автор представляющего значительный интерес очерка «Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области», писал: «...Я должен оговориться: описываемые мною промыслы комплектованы довольно бессистемно и самое описание их не всесторонне, что зависело от того, что данные, касающиеся этих промыслов, собирались мною главным образом во время поездок по делам службы, а не во время, специально употребляемое для этой цели; при таком условии я не делал выбора, а наблюдал то, что попадалось, так сказать, под руку»³⁸.

Несмотря на такое скромное вступление, автор в своей небольшой статье описывает значительно глубже особенности того или иного ремесла, чем предыдущие исследователи. Он пытается дать общие годовые цифры доходов от разных ремесел, но делает это, к сожалению, путем вычисления «средней величины», которая лишала возможности разделить хозяев и наемных рабочих, богатых и бедных. Правда, автор говорит несколько слов о том, что некоторые мастера имели, помимо учеников, одного-двух наемных рабочих и из высших «средних» цифр выводит их заработную плату. Но по этим данным трудно судить о материальном положении разных социальных категорий ремесленников.

Н. А. Кирпичников пишет о следующих ремеслах: гончарном, чугунолитейном, кузнечном, столярном, седельном, ткацком, шелкоткацком, красильном и производстве кальянов и кумганов.

Описание каждого ремесла он начинает с легенды о его происхождении, затем описывает материалы и орудия производства, дает чертежи отдельных инструментов. Далее автор описывает способ производства, срок работы в сезон и дневной (12—13 часов), примерные годовые доходы и расходы мастерских. Несколько слов говорится об учениках (где живут, как питаются, как их обучают). Иногда Кирпичников упоминает о торговле ремесленными изделиями и о географическом распространении отдельных ремесел. Рисунки орудий производства особенно полно

³⁶ «Туркестанские ведомости», 1894, № 72.

³⁷ «Материалы для статистики Сыр-Дарьинской области», т. VII, Ташкент, 1899, стр. 53.

³⁸ «Справочная книжка Самаркандской области», 1897, вып. V, стр. 110.

даны по металлообрабатывающему и деревообделочному промыслам. Приводится также чертеж гончарного круга.

Не менее интересна статья Н. Габбина о производстве седел в г. Ташкенте³⁹. Это ремесло было изучено им по программе, составленной Комиссией по исследованию кустарной промышленности в России. В ней много места уделено экономике и частично цеховой организации. В статье помещены чертежи седел.

Но вторая статья Габбина «Производство арб»⁴⁰ уже не отвечала на важные социально-экономические вопросы, которые были освещены в его первой работе. Цель изучения была направлена главным образом на то, чтобы поставить производство арб на службу войску, в частности артиллерийскому, поэтому при описании производства арб автор останавливается не столько на способах и технике производства, сколько на значении арбы как транспортного средства, на ее главных недостатках и возможных усовершенствованиях для применения в войсках. В конце статьи приведен рисунок ташкентской арбы.

Подробный перечень ремесел, имевшихся в Ташкенте в 1897 г., и их местных названий дан в статье А. А. Диваева «Промыслы и занятия туземцев азиатского г. Ташкента»⁴¹.

Производству больших речных лодок («каюков») посвящена статья А. Михайлова «Каючный промысел на Аму-Дарье»⁴², опубликованная в 1908 г. Автор указывает районы, где особенно развито каючное производство, сообщает размеры каюков, их грузоподъемность, перечисляет породы деревьев, которые служат строительным материалом, описывает технику их выделки. Он стремится доказать целесообразность использования каюков для торговых целей. В статье приведен чертеж хивинского каюка среднего размера.

К тому же времени относится небольшая, но интересная в этнографическом отношении статья «Хива», автором которой является побывавший там чиновник министерства иностранных дел А. Д. Калмыков⁴³. В ней упоминается о гончарном производстве, изготовлении медных изделий и о художественной резьбе.

Описаниековки отдельных видов среднеазиатского холодного оружия содержится в статьях А. А. Семенова⁴⁴ и неизвестного автора⁴⁵.

Ремеслу Катта-Курганского уезда посвящена статья Ф. Поспелова⁴⁶. Автор перечисляет главные виды ремесел, распространенных в уезде. Несколько подробнее он останавливается на чугунолитейном и гончарном производствах.

Цеховую организацию кожевников освещает небольшая по объему статья Г. Андреева «Туземное кустарное производство в Туркестане. Кожевенное — «кунчилик»⁴⁷. После краткого описания техники выработки изделий из кожи автор пишет о главе цеха — аксакале, членах цеховой

³⁹ Н. Г а б б и н. Кустарные промыслы. 1. Производство седел (ленчиков). Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. VII, 1899, стр. 1—54.

⁴⁰ Там же, вып. VIII, 1900, стр. 213—247.

⁴¹ «Туркестанские ведомости», 1901, № 33.

⁴² «Туркестанские ведомости», 1908, №№ 212, 213, 219—221.

⁴³ «Туркестанские ведомости», 1915, № 219.

⁴⁴ «Два слова о ковке среднеазиатского оружия». «Живая Старина», 1909, стр. II—III.

⁴⁵ С. П. Н. Восточные сабли по сравнению с европейскими. «Военный сборник». 1894, ССХVII, № 1.

⁴⁶ Ф. П о с п е л о в. Кустарная промышленность в Катта-Курганском уезде. «Туркестанское сельское хозяйство», 1912, № 8, стр. 675—678.

⁴⁷ «Туркестанские ведомости», 1915, № 219.

организации и об их обязанностях. Основываясь на рисаля, он сообщает краткое содержание легенды о происхождении кожевнного ремесла.

Наиболее полной из журнальных статей является представляющая научный интерес работа В. К. Развадовского⁴⁸. Автор побывал во многих районах нынешнего Узбекистана, и большинство материалов собрано им лично; этим особенно ценна его работа. Развадовский рассматривает следующие виды ремесла: шелкоткачество, производство медных изделий (ювелирное), производство бумаги, ковровое, производство седел в Ташкенте, токарное производство, производство кошем, обработку кожи, столярное и особенно детально гончарное ремесла. Им охвачены почти все районы, славившиеся в то время производством гончарных изделий, кроме Хорезма, где ему не пришлось побывать. Автор отмечает географическое распространение ремесла, описывает орудия производства и изделия, их орнамент. Он пытается определить доходы мастеров, а по отдельным видам ремесла (например, по столярному производству) — заработки учеников и подмастерьев. При большом размахе предпринятого обследования автор не смог все же глубоко раскрыть все ремесленные производство Туркестана. Многие поставленные им вопросы остались без ответа.

Помимо упомянутых выше литературных источников, специально посвященных описанию ремесел, издавалось немало обобщающих работ по экономике, истории, культуре и быту народов Туркестанского края и ханств, где попутно затрагивалось и ремесло. Одной из первых таких работ была «Русская Средняя Азия»⁴⁹. Затем появились монографии В. И. Массальского «Туркестанский край»⁵⁰ и трехтомная «Азиатская Россия»⁵¹, где было уделено место, хотя и незначительное, среднеазиатскому ремеслу.

Далеко не все экономические работы, посвященные Средней Азии, затрагивали вопросы ремесла. Даже такие солидные экономические труды, как «Статистические очерки Среднеазиатской России» М. А. Терентьева (СПб., 1874), «Производительные силы Туркестана» Н. И. Малаховского (вып. I, СПб., 1909), трехтомный «Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой» С. И. Гулишамбарова (ч. I, Асхабад, 1913), «Промышленные заведения Туркестанского края» В. В. Заорской и К. А. Александра (Пг., 1915) и другие, полностью обходят этот вопрос.

Сделанный нами краткий обзор литературных источников по ремеслу дореволюционного Узбекистана охватывает лишь самые основные труды, изданные во второй половине XIX — начале XX в.

В дальнейшей работе над историографией ремесел Средней Азии необходимо расширить и углубить выявление литературных источников, а также поднять архивы, статистические материалы и изучить неопубликованные рукописи дореволюционных исследователей. Наряду с этим следует усилить полевые этнографические работы — сбор материалов путем расспросов стариков, мастеров, изучение бывших ремесленных кварталов в городах Узбекистана и т. д. Это явится важнейшим вкладом в разработку истории ремесленного производства узбекского народа, истории труда и быта ремесленников.

⁴⁸ В. К. Развадовский. Кустарные промыслы в Туркестанском крае. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае (Журнал «Туркестанское сельское хозяйство», 1916, №№ 3—8).

⁴⁹ «Живописная Россия», т. 10, 1885.

⁵⁰ «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». СПб., 1913, т. XIX.

⁵¹ «Азиатская Россия». Переселенческое управление, СПб., 1914.